

№ 271—272
**ВОЛНЕНИЕ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ВОЛЖСКО-ДОНСКОЙ Ж. Д.
(1860 г.)**

☆

№ 271

1860 г., АВГУСТА 4.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА
Н. О. СУХОЗАНЕТА В КОМИТЕТ МИНИСТРОВ
О РАССЛЕДОВАНИИ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТОМ А. М. РЫЛЕЕВЫМ
ПРИЧИН ВОЛНЕНИЯ РАБОЧИХ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ВОЛЖСКО-ДОНСКОЙ Ж. Д.**

Исправлявший должность наказного атамана войска Донского донес по телеграфу, что 204 рабочих Волжско-Донской железной дороги прибыли в Новочеркасск с жалобой на подрядчика Гладина и, несмотря на все убеждения, отказывались возвратиться к месту работ.

Государь император по всеподданнейшему докладу о сем высочайше повелеть соизволил: командировать на место работ Волжско-Донской дороги флигель-адъютанта капитана Рылеева для подробного исследования причин, по коим рабочие отказываются исполнять заключенные с подрядчиком условия, и немедленного удовлетворения претензий, если они окажутся справедливыми.

Флигель-адъютант капитан Рылеев, окончив возложенное на него поручение, представил его величеству всеподданнейший рапорт следующего содержания:

«По повелению вашего величества 14 числа прошлого июня месяца я отправился к месту производства работ Волжско-Донской железной дороги в г. Царицын и прибыл туда 19 числа, начав с следующего дня объезд участков.

Первою заботою моею было ознакомиться с положением рабочих и убедиться в справедливости их жалоб и претензий. Объехав все работы в течение двух суток, я узнал из расспросов, что претензии их заключались в следующем: 1) Рабочие положительно объявили, что о существовании контрактов им не было известно, наем же производился обыкновенно по словесному договору, работы должны были исправляться безурочно, сроком на 3, 6, 7 и 8 месяцев с проходкою туда и обратно на родину, без ответственности друг за друга круговую порукою и без вычета дней, в которые по ненастью работы производиться не могли. 2) Все без исключения рабочие жаловались на дурное и даже жестокое с ними обращение доверенного подрядчика Гладина, мещанина Головкина, приказ-

Начало работ в нынешнем году ознаменовалось событием весьма печальным. После молебствия, 28 марта рабочие угощаются браки водкою; все сильно перепились, и вечером возникла драка. Две артели государственных крестьян Рязанской губернии, одна — Скопинского, другая — Михайловского уездов, числом до 200 человек, пошли одна на другую, вооружась лопатами и палками. Свалка была жестокая: один крестьянин был убит на месте, двое сильно изуродованы, и многие ранены более или менее опасно. Полиция, узнав о происшествии, сочла за нужное не доносить об оном начальнику губернии; произведено было нечто вроде следствия, которое и лежало в городническом правлении до моего приезда в Царицын¹. Как водится, деньги сделали все: убитого похоронили, раненых лечили и затем отпустили домой на родину, а виноватых не оказалось.

На другой день начались работы. Протрезвившиеся рабочие за первым же обедом шумно выразили свое неудовольствие за дурную пищу и, в особенности, за недоброкачественный квас и крупу. Негодование возрастало ежедневно, и ежедневно жалобы рабочих становились настойчивее, шумнее. Но Головкин не смущался; он не обращал никакого внимания на справедливые требования рабочих и продолжал кормить их чем и как попало. Капусты не было до 1 июня, крупа не улучшалась, квас постоянно был дурен, свежего мяса почти не давали, а утром и вечером, по примеру прошлого года, угощали солониной и то не всегда свежее. Бывали случаи, что солонина была так испорчена, что из нее сыпались черви. Дошло до того, что управляющий работами полковник Семичев, человек умный и благородный, вынужден был выдать общественные деньги одному из агентов общества и поручить ему закупить свежую провизию на счет подрядчика. Вскоре, а именно в начале апреля, к неудовольствию на дурное продовольствие присоединилась новая, весьма важная, претензия рабочих — на несправильность контрактов. Они положительно объявили, что о существовании контрактов им вовсе не было известно и что наем производился по словесным договорам на совершенно других условиях. Я уже доносил вашему высокопревосходительству от 26 сентября за № 51, как составляются контракты, и потому считаю излишним вновь распространяться о сем деле, тем более, что разбор оного подлежит Министерству государственных имуществ.

¹ Я послал следственное это дело начальнику губернии при отношении от 29 сентября за № 69, прося обратить внимание на всю его незаконность. (Примечание подлинника.)

Между тем как дурная пища, грубое обращение и неправомерность контрактов все более и более усиливали неудовольствие и раздражение рабочих людей, Головкин, как бы нарочно, стал увеличивать дневные уроки. Каждому рабочему вменялось в обязанность выработать в день от $65/100$ до $70/100$ куб. саж. Урок действительно огромный для людей, в первый раз находящихся на земляной работе. По решительной невозможности кончать их, уроки эти оставались недоделанными, и люди жаловались на отяготительную работу. Головкин вместо того, чтобы выкинуть в дело, дал строгое приказание каждый неисполненный урок вписывать в расчетную книжку. В те же книжки с особенною точностью и придирчивостью вписывались дождевые, большие и прогульные дни. Рабочие, видя такие распоряжения Головкина, все более и более стали убеждаться, что они не только не выручат условленную плату, но едва ли заработают задатки. В них родились опасения, что они проработают даром все лето. С половины апреля они стали являться толпами в контору, прося расчета и отпуска домой. Головкин вместо разумного ответа выходил из себя, выгонял приходящих к нему с бранью и побоями, а более настойчивых стал отправлять на расправу к городничему Трескину. Городничий без дальнейших расспросов сек всех, к нему присылаемых, производя почти всегда наказание на линии работ при сборе рабочих ближайшего пункта. Исполнителем его распоряжений был постоянно кварталный надзиратель Соколов, который, приходя с полицейскими солдатами на назначенное Трескиным место, приказывал силою выгонять всех рабочих из барачных мест, говоря: «Идите все смотреть суд божий», и за сим уже приступал к сечению. Били всегда самым нещадным образом¹. Как только начались подобные экзекуции, открылись побеги рабочих. Побег эти, сперва весьма незначительные (с 1 по 22 число апреля ушло с работ всего 36 человек), стали непомерно увеличиваться, так что 9 мая бежало уже в один день из Царицына 66 человек. По мере усиления побегов усиливались и истязания несчастных рабочих. Казацкая нагайка, кулаки Головкина и его приказчиков работали неутомимо, а городничий Трескин сек почти ежедневно. Таким образом наказано розгами:

¹ Один из наказанных таким образом, государственный крестьянин Рязанской губернии Тихон Родионов, высеченный с особою жестокостью колючими розгами, послал 25 апреля жалобу в Саратовское губернское правление. Жалоба эта оставалась там без всякого движения, пока 6 сентября я не потребовал оной к рассмотрению. Тогда Губернское правление журналом от 12 сентября распорядилось о предании Трескина суду Уголовной палаты. (Примечание подлинника.)

тайного советника Игнатьева совершенную тайною до самого моего приезда в Саратов.

Жандармский штаб-офицер и губернаторский чиновник пробыли тоже всего четыре дня в Царицыне. Они не только не произвели формального следствия, но не сделали даже простого дознания, ограничив все свои действия поездкою с губернатором на линию работ и заключением в острог раненого в ногу рабочего, которого не подвергнули даже предварительному допросу. Присланные для исследования, они удовольствовались одним голословным донесением исправника, что раненый рабочий есть бунтовщик, сопротивлявшийся властям вооруженною рукою.

Начальник губернии по возвращении в Саратов отнесся к воронежскому губернатору с настоятельным требованием возвратить на работы силою всех бежавших крестьян Воронежской губернии. Граф Толстой отвечал отказом весьма логическим, острожным. Его ответ находится в деле.

Флигель-адъютант Рылеев, приехав, как выше сказано, в Царицын 19 июня, немедленно вникнул в дело и стал действовать необыкновенно деятельно и благотворно. Ежедневно являлся он среди рабочих на линии дороги; терпеливо выслушивал все их претензии и неусыпно хлопотал об улучшении их быта. Уроки были сбавлены, пища сделалась превосходною, Головкин удален вовсе от дела, а новый поверенный подрядчика — Александр Гладин переменял весь почти личный состав приказчиков и десятских. Обращение с рабочими сделалось кротко и вежливо; о нагайках и розгах не было и помину. Все недоразумения отстранились; не стали записывать в книжки недоработок, дождевых и больных дней; рабочие стали терпеливо ожидать следствия и решения вопроса о контрактах. Г. Рылеев, уезжая 19 июля в Петербург, оставил всю линию работ в полной деятельности, но деятельности спокойной и разумной.

Между тем вследствие жалобы полицейских солдат на жестокое с ними обращение, а еще более вследствие личных объяснений флигель-адъютанта Рылеева с начальником губернии городничий Трескин 9 июля был уволен от должности, но уволен по прошению. Все его действия как бы покрывались этим непонятным увольнением. По приезде моем в Саратов я узнал, что Трескин не только уволен от должности, но даже выехал с разрешения начальника губернии из пределов Саратовской губ. По настоятельному моему требованию послана была в Москву телеграфическая депеша о высылке Трескина к следствию. 24 сентября он, прибыв в Царицын, несмотря на все желание запереться, уличаемый фактами, сознался на допросах во всех своих незаконных действиях. Этот штаб-офицер, кроме преступных действий при наказании рабочих, пользовался в

г. Царицыне самую дурною репутациею и общим презрением. Он был человек жестокий, сварливый и дерзкий, позволяющий себе гласно всевозможные незаконные поборы; он не гнушался ни рублем, ни копейкою. Неблагонадежность г. Трескина, повидимому, давно была известна; он был уже городничим в Хвалынске, оттуда переведен в 1857 году за беспрерывные на него жалобы граждан.

Когда 1 сентября я прибыл в Царицын, то застал всех рабочих совершенно спокойными, но в тревожном ожидании обещанного им именем его императорского величества исследования. В народе ходили слухи, что как только начнется следствие, то всех бегавших и жаловавшихся посадят в острог и закуют в кандалы. Вскоре, однакож, рабочие успокоились и получили полное доверие к следствию; они ежедневно целыми толпами являлись ко мне с самыми разнородными просьбами и безропотно покорялись каждому решению, очень часто не согласному с их претензиями.

Во все время моего нахождения в Царицыне, с 1 по 30 сентября, не было ни одного бежавшего; все работали усердно, весело и с полным доверием. Кормили людей превосходно. Обезвешая в последний раз с полковником Семичевым линию работ, я удостоверился, что спокойствие на работах обеспечено, что побегов в текущем году более не будет, но в то же время убедился, что 550 человек государственных крестьян, не признающих контрактов, непременно оставят работы 1 октября, ежели до тех пор не будет законно решен вопрос о контрактах. Во избежание могущих произойти при этом споров и новых волнений, я обязал Гладина подпискою, что ежели до 2 октября в Царицын не прибудет чиновник Министерства государственных имуществ, а не признающие контракта рабочие будут требовать отпуска домой, то он немедленно и вполне рассчитает их и сохранит тем спокойствие между остальными рабочими...

Имея случай при исполнении ныне оконченного поручения часто и много говорить с простым народом, я смело могу сказать, что участь его на работах самая плачевная, безвыходная. Необходимо придумать средства для отстранения на будущее время тех столкновений, которые имели в нынешнем году столь бедственные последствия на Волго-Донской дороге.

Не думаю, что на работах, где собрано большое число людей, должна находиться полиция или особый полицейский чиновник с единственною целью сохранения порядка и благочиния между рабочими, кто бы не представлял эту полицию: казаки, жандармы или воинская команда. Какого бы добросовестного чиновника правительство ни старалось во главе ее [поставить], злоупотребления, произвол и насилие со стороны полицейской власти будут неизбежны; она всегда перейдет на

чиков и десятников, на невыносимо трудную задаваемую им урочную работу и на пищу, которая выдавалась в первое время по прибытии на место работ дурного качества и 3) Объявили, что при найме их на месте в волостных правлениях они принуждаемы были волостными головами и писарями брать цену, назначенную доверенными подрядчика, которые угрожали, в противном случае, немедленным сбором государственных податей, заставляя их продавать притом последнее имущество или, наконец, прибегая к мерам наказания.

С первого же дня моего объезда по участкам работ рабочие не обнаруживали ни малейших признаков буйства или неповиновения, но с покорностью лишь просили облегчить их положение.

В продолжение месячного пребывания моего в г. Царицыне я внимательно всматривался в положение рабочих и в условия их быта.

Я убедился в истине их жалоб и тех злоупотреблениях, которые допускались при назначении им уроков; наконец, что важнее всего, в возможности заставить крестьян кроткими мерами быть послушными, спокойными и оставить всякую мысль о побеге.

Лучшим доказательством вышесказанного может служить то, что в течение моего пребывания в Царицыне, когда обхождение с рабочими было изменено, не было совсем бежавших; причины же побегов, сколько я мог дознать, были следующие:

Волнения между рабочими начались через месяц по прибытии их на места работ, т. е. в конце апреля, хотя главнейшею к тому причиною было неправильность заключенных с ними письменных условий; однако, прежде чем условия эти стали вполне известны рабочим, существовали и другие причины к неудовольствию их на подрядчика.

1. Контракты заключались волостными правлениями по соглашению с наемщиками подрядчика Гладина без всякого ведома и участия нанимавшихся рабочих. Контракты эти не были объявлены рабочим на месте найма, и даже копии с них были выданы некоторым артелям не ранее как чрез месяц по приходе в Царицын.

2. Приказчики Гладина, нанимавшие людей на работы в более отдаленных от Царицына уездах Тамбовской и Рязанской губерний, словесно обещали некоторым артелям возратить по приходе на место работ половину путевых их издержек.

Люди, застигнутые на пути весенним половодьем, истратились в дороге более обыкновенного и потому настойчиво требовали возврата условленной половины харчевых расходов, но бывший доверенный Гладина, Головкин, решительно отказал

в этом требовании. Впоследствии Гладин хотя и удовлетворил некоторые артели, но другим заплатил лишь по моему настоящему требованию накануне моего отъезда.

Это было первым поводом неудовольствия на подрядчика со стороны рабочих.

3. По приходе людей в г. Царицын их постоянно кормили овсянкою и ячневою кашей и, что всего важнее, не было капусты до первых чисел июня месяца. Рабочие, привыкшие к кислой пище и ставившие, по их словам, в условие при найме дачу на работах капусты, сильно жаловались на недостаток ее.

4. С открытием работ задаваемые уроки были очень умеренны, но это продолжалось весьма не долго, впоследствии их стали постепенно увеличивать и довели до размеров, отяготительных для людей, никогда прежде не бывавших на земляных работах. Рабочие на все свои просьбы об уменьшении уроков видели только постоянное их увеличение.

5. Одною из важнейших причин, вынудивших побег рабочих, было грубое обращение с ними доверенного подрядчика Гладина, Головкина, приказчиков и десятников его, а также полное невнимание и пренебрежение с их стороны к нуждам рабочих, которые скоро потеряли всякое доверие к своему хозяину и, наконец, решительно возненавидели его. Приказчики и десятники, с своей стороны, смотрели на рабочего, как на животную силу, и в вынуждении от него усиленной работы видели средство отличиться перед хозяином.

6. Десятники и приказчики в числе понудительных мер к выработке задаваемых уроков употребляли угрозы — заморить всех тяжкими работами по примеру прошлого года. Так, один из десятников говорил им, что в прошлом году он заморил 800 человек, а теперь уморит всех до одного. Угрозы передать непокорного в руки царицынской полиции сильно действовали на рабочих, которым известно было, что в апреле по требованию Головкина полиция наказала 150 ударами розог двух рабочих с участка 1 версты.

В числе прочих причин неудовольствия рабочих заключалось и то, что Головкин не имел необходимых денежных средств для удовлетворения нужд рабочих и хорошего их содержания.

В конце апреля выданы были копии с контрактов тем артелям, которые не получили их на месте найма, и только в начале мая розданы были расчетные книжки. В контрактах этих главные основания найма выставлены совершенно несогласно с словесными договорами, а именно: вместо 6 и 7 месяцев всей работы назначено 8 и 9, срок выдачи денег и самое их количество изменены, включена круговая порука, помещены вычеты за дождевые, большие и праздничные дни и, наконец, другие,

22 апреля	2	[рабочих]
2 мая	1	[рабочий]
12 »	1	»
14 »	1	»
17 »	1	»
18 »	2	[рабочих]
19 »	2	»
20 »	3	»
21 »	1	[рабочий]
24 »	15	[рабочих]
30 »	4	»
4 июня	1	[рабочий]
Итого		34 [рабочих]

Эти самоуправные бессмысленные наказания до того озлобляли рабочих, что побеги стали уже постоянными, ежедневными (как видно из представляемой при сем ведомости). 23 мая ушло вдруг с ближайших к Царицыну пунктов работ 204 человека. Люди эти не сделали ни буйства, ни дерзости; они ушли тихо, спокойно, объявив приказчикам, что идут в Новочеркасск просить суда и защиты у атамана. С ожесточением погнались за ними головкинские приказчики и преследовали их верст сто. Они убеждали следовавших за рабочими в пределах Донского войска казаков употребить для возвращения бежавших на работы силу оружия. Но донцы, помня приказание атамана, не уважили человеколюбивых¹ просьб клеветов Головкина, и те с затаенною злобою возвратились в Царицын, давая себе слово на спинах оставшихся выместить побег товарищей их.

Между тем беглецы эти под конвоем казаков достигли Новочеркасска. Князь Дондуков-Корсаков, убедившись в справедливости принесенной ему жалобы, трое суток лично уговаривал беглецов добровольно воротиться на работу, но они не принимали никаких обещаний, отвечая постоянно: «Пусть нас накажет правительство, а сами в каторгу не пойдем; пусть ведут нас туда силою, ежели хотят». Только на четвертый день удалось князю Дондукову убедить рабочих идти опять в Царицын под условием, что он даст им проводника, который будет там действовать его именем и обеспечит их будущность на прочных основаниях. Действительно, князь Дондуков поручил это шекотливое дело войсковому старшине Полушкину, который во время пути успел до того привязать порученных ему людей, что те единодушно доверили ему окончить дело, как признает за лучшее, обязуясь безусловно покориться его решению. Г. Полушкин честно оправдал доверие рабочих. Прибыв в Царицын, он так искусно повел дело, что уговорил подрядчиков заключить с возвратившимися 204 рабочими новое условие, которым

¹ Так в подлиннике.

упрочивалась и бездоимочная плата, и хорошая пища, и доброе обращение. Рабочие доселе говорят с глубокою признательностью о князе Дондукове; он и г. Полушкин, по их словам, люди истинно честные. Беглецы новочеркаские теперь лучшие и исправнейшие работники на всей линии строящейся дороги. Отрадное доказательство, что крестьянин наш умеет понимать и ценить правоту действий.

За три дня до побега 204 человек явился в Царицын новый доверенный подрядчика Гладина, сын его Александр Гладин. Головкин, наконец, был смнен по неотступным и настоятельным требованиям полковника Семичева, объявившего правлению дороги, что он ни за что не может отвечать, ежели Головкин не будет удален немедленно.

24 мая к новому доверенному явилось около 100 человек рабочих с просьбою выдать им по 25 руб. сер. на человека для отсылки в семейство. Просьбу свою, по отзыву самого Гладина, рабочие выразили вежливо, без малейшего проявления буйства или угроз. Гладин, еще не знакомый с делом, ему порученным, уговорил рабочих обождать ответа на дворе конторы, а сам, подстрекаемый Головкиным, отправился к городничему Трескину с просьбою разобрать претензию рабочих и внушить им, что требование их не согласно с условиями контракта. Городничий, выслушав Гладина, приказал ему ехать в контору, обещая вслед за ним прибыть туда.

По отъезду Гладина городничий отправил предписание начальнику Царицынской инвалидной команды капитану Исакову безотлагательно собрать вооруженную воинскую команду и явиться с нею в дом конторы Гладина для усмирения *возмутившихся*¹ рабочих. Капитан Исаков в точности исполнил предписание и через 1/2 часа был с командою из 40 вооруженных солдат в назначенном ему месте.

Городничий, не сказав о происходящем ни слова начальнику работ полковнику Семичеву, явился вслед за солдатами в контору в сопровождении квартального надзирателя Соколова и полицейских служителей с пуками розг. По его приказанию ворота были заперты на замок, а у всех входов и выходов расставлены часовые с ружьями. Остальные солдаты с инвалидным начальником вошли на двор и окружили стоявших там безмолвно объятых ужасом рабочих. Тут же на дворе находились Головкин и десятские Мезенцов и Демичев и еще несколько посторонних лиц. Рабочие, чуя грозу, бросились со слезами на колени, умоляя не бить их, а сперва разобрать дело, но городничий, никого и ничего не слушая, стал кричать на рабочих и ругать их самыми бранными словами. Он не прочитал даже представленных ему Гладиным контрактов, а

¹ Подчеркнуто в подлиннике.

сторону подрядчика, а в отношении к рабочим явится не силою охраняющею, а силою карательною и угнетающею. Лучшее средство, по моему мнению, заключается в том, чтобы отдать всю эту власть в руки производителей работ. Не опираясь на материальную силу розог или нагайки, они из собственного интереса, т. е. успеха порученных им работ, будут стараться разумно и справедливо соглашать возникающие недоумения и, тем самым приобретая доверенность и любовь рабочих, получат над ними власть, которая не будет нуждаться в полиции с ее атрибутами.

Действительный статский советник *Арсеньев*.

Резолюция Александра II: «Внести в Комитет министров, причем обращаю внимание на неслыханные злоупотребления и недолжное взыскание с виновных. Сообразить, какие меры принять, чтобы впредь подобное не могло повториться».

ЦГИАЛ, ф. 1263, К-т мин., засед. 28 декабря 1860 г., ст. 1111, прил., л. 564—584, 589.

менее важные статьи, прежде совершенно неизвестные рабочим. Возникшие вследствие сего недоразумения были причиною первых побегов с места работ, вначале поодиночке или небольшими партиями.

Между тем Головкин и его управление продолжали следовать прежде заведенному порядку, а именно: 1) Малейшая невыработка рабочими заданного урока записывалась в его книжку, а как большинство нанималось работать без уроков, то это обстоятельство приводило людей в решительное озлобление. Записывались также больные и дождевые дни, а из постоянных угроз десятников каждый знал, что за все это последует вычет из договоренной платы. 2) Уроки на работах задавались всем одинаковые, тогда как плата была различная; это обстоятельство еще более укоренило в рабочих то убеждение, что они ничем не ограждены от произвола хозяина. 3) Многие из артелей нанимались с условием по заработке задаточных денег получить расчет и идти домой, ежели того пожелают, другие — всего только на три месяца и потому пришли с 3-месячными паспортами, но как те, так и другие узнали в Царицыне о том, что все подведены под общий срок до 1 декабря. По этой же причине в день моего приезда в Царицын ушла партия в 57 человек и прежде того отлучились с места работ в разное время тремя партиями до 250 человек.

Обстоятельство, выставленное Гладиным как главнейшая причина побегов, высокая заработная плата косарям в смежных степях, я нахожу неосновательным; во-первых потому, что ничем не подтвердилось, чтобы рабочие уходили на сенокосы, напротив того, они большею частью направлялись на родину; во-вторых, главнейшие сенокосы находятся в Земле войска Донского, где вследствие распоряжения наказного атамана беглые не могли найти никакой работы, а были бы немедленно представлены на место работ и, наконец, в третьих, всякий крестьянин хорошо знает, что без паспорта ему не дадут приюта в чужой стороне, и потому каждый беглый старался скорее пробраться на родину.

При том едва ли возможно допустить, чтобы на сенокосы вздумала отправиться в одно и то же время масса людей в 100 и более человек без всяких письменных видов.

Точно так же по исследованию не подтвердилось и другое обстоятельство, выставленное причиною побегов, а именно, будто бы письменные известия, получаемые рабочими от семейств с требованием возвращения их на родину для уборки хорошо уродившегося собственного хлеба. Если и были получаемы подобные письма, то весьма немногими из числа рабочих, которые в таких случаях обыкновенно предъявляли их хозяину и просили у него расчета.

Предварительно возвещенный приезд сына Гладина в Царицын, дав рабочим надежду, что он разберет и удовлетворит их, приостановил на несколько дней начавшиеся общие побегии; но надежды эти не сбылись, хотя с приездом Гладина пища заметно улучшилась, но он решительно отказался изменить срок найма, показанный в письменных условиях, а по неимению денег не мог удовлетворить требований об условленной плате. Тогда 23 мая ушла из Царицына в Новочеркасск с жалобою к наказному атаману партия в 205 человек.

Сын Гладина решил остановить побегии, прибегнув к строгим мерам и наказаниям. Подстрекаемый Головкиным, он обратился к царицынскому городничему, который 24 мая жестоко пересек 20 человек, оставшихся от артелей, ушедших накануне в Новочеркасск.

В числе наказанных был старик 64 лет, приведший с собою на работы двух сыновей; последние просили быть наказанными вместо отца, но просьба их не была уважена, и, жестоко высеченный 150 ударами, старик пролежал около недели в лазарете. Наказание это происходило таким образом: рабочие были собраны на дворе дома Гладина под предлогом раздачи им требуемой платы за работу; туда же явился городничий с квартальным надзирателем, стряпчим и начальником инвалидной команды с вооруженными солдатами. По расстановке вокруг дома часовых и по закрытии ворот городничий без всякого исследования дела приступил к наказанию рабочих по указанию Головкина, дозволяя себе при этом рвать у наказанных бороды и бить людей ногами. Несправедливое наказание это давало повод думать рабочим, что они пострадали только за то, что не последовали примеру своих бежавших товарищей.

Как и следовало ожидать, распоряжение это не осталось без важных последствий и послужило поводом к бегству 26 числа 114 человек. По настояниям того же Головкина царицынский исправник отправился за ними в догоню с командою инвалидных солдат, причем дошло до употребления огнестрельного оружия; один рабочий убит и несколько ранено; несмотря на это рабочие не были возвращены и ушли на родину.

В то время, когда описанные события происходили в границах Царицынского уезда, рабочие, расположенные в земле войска Донского, едва удерживались от побегов обещаниями скорого приезда сына Гладина, который медлил прибытием, а между тем до рабочих дошел слух о царицынском наказании, и прямым следствием сего было то, что вечером 29 мая с четырех ближайших к Калачевскому хутору участков поднялось около 400 человек, которые, однакоже, были на другой день остановлены и возвращены на место работ командою казачков.

тотчас приказал подать скамью и розги. Тут началась самая безобразная сцена. Головкин и его десятские из толпы стоявших на коленях рабочих вытаскивали за бороды и волосы кого попало и подводили к скамье; Трескин, не делая разбирательства, не спрашивая даже, что сделал тот или другой, приказывал подводимых по очереди класть на скамью и сечь. Давали по 75, 100, 150 и более ударов. Наказывали жестоко, ибо городничий беспрерывно кричал: «Катай сильнее», обещая избить тех служителей полиции, которые будут сечь слабо. Таким образом пересекли 15 человек. Одного старика лет 65 наказали два раза за то, что он приносил оправдание и доказывал, что его наказывают напрасно. Его два сына просили Трескина наказать их вместо отца, но он с ругательством прогнал их. Сekli до того, что нехватило розог; стали резать прутья из кустарников, растущих на дворе, и из простых метел. Наказание продолжалось два часа и прекратилось только тогда, когда Головкин перестал выводить рабочих к скамье и объявил, что особенно виновных более нет. Во все время наказания городничий ругался самым безобразным образом и многих рабочих бил своими руками и трепал за волосы, приговаривая: «Это вам закуска, а вот скоро накормлю и обедом», или «Это цветочки, а то еще будут ягодки». По окончании экзекуции Трескин приказал инвалидному начальнику отвести наказанных и всех бывших на дворе работников под конвоем на место работ.

Глади́на во время наказания не было на дворе; пред началом же оно́го он и хозяйка дома, где помещается контора, упрасивали г. Трескина не производить наказания у них на дворе, говоря, что это незаконно, что двор не лобное место. Но городничий на все их доводы только ответил: «Не ваше дело, я полковник, я градоначальник, где я — там и полиция».

В день наказания была ярмарка в Царицыне. Дом конторы стоит на углу ярмарской площади, и потому около него собралось огромное количество народа; крики и стоны наказуемых возбуждали громкое негодование толпы, женщины рыдали. Надо удивляться одному, как это варварское истязание не произвело общего в народе восстания.

Четверо из наиболее жестоко наказанных в тот же вечер ходили к царицынскому протоиерею¹, глубоко уважаемому в городе. Они надеялись найти опору и утешение в достойном слугителе церкви, но на другой день люди эти, не будучи в состоянии перемогаться, поступили в лазарет².

Глади́н, скорбя о случившемся, наградил всех наказанных выдачею им от 15 до 25 руб. сер. и предложил им увольнение

¹ Письмо протоиерея находится в деле. (Примечание подлинника.)

² Свидетельство доктора о состоянии наказанных в день поступления в лазарет находится при деле. (Примечание подлинника.)

домой с полною наемною платою за все лето. Этим предложением воспользовались почти все наказанные; только двое из них добровольно остались на работах, и то по болезни ног.

Слух о бесчеловечном наказании в конторе быстро разнесся по всей линии работ, сделалось общее волнение, каждый боялся подвергнуться подобному же истязанию. Получив окончательное убеждение, что в Царицыне для бедного труженика нет ни суда, ни правды, все стали готовиться в путь, решаясь оставить Волго-Донскую дорогу.

Первым последствием наказания 24 мая было то, что в ночь с 25 на 26 ушло с двух ближайших к Царицыну пунктов 140 человек крестьян Воронежской губернии.

Пошли они в путь в двенадцатом часу ночи; дружески простились с товарищами и не сделали ни дерзости, ни угрозы находившимся тут же приказчикам и десятским. Они направились к границе уезда, имея намерение прямо, Донскими степями, пройти домой в свою родную губернию¹.

На утро Гладин, узнав от своих приказчиков об этом новом побеге, обратился к царицынскому исправнику с письменным объявлением о случившемся и просил законного содействия к возвращению бежавших. Исправник Дьяченков по получении объяснения Гладина, не слушая совета г. Семичева произвести сперва на пунктах работ строгое дознание о причинах побега, решил употребить немедленно воинскую силу для преследования и возвращения беглецов. Для сего он письменно просил начальника Царицынской казачьей команды о назначении в его распоряжение 50 вооруженных казаков, но урядник Резанцов отказался исполнить таковое требование. Тогда исправник обратился к начальнику инвалидной команды, требуя присылки для усмирения бунтующихся и бежавших рабочих 50 солдат. Капитан Исаков беспрекословно исполнил это новое требование; лично с 40 человеками команды явился он по указанию исправника в ту же гладинскую контору, где накануне присутствовал при суде и расправе Трескина. В конторе уже находились исправник и непрменный заседатель земского суда Наттер. Исправник, изъявив желание, чтобы для преследования бежавших вместе с ним в одном экипаже поехал Головкин, потребовал у Гладина 10 парных подвод для перевозки команды. Подводы немедленно были наняты за 175 руб. сер. На 9 разместили солдат, а в 10-ую сели инвалидный начальник,

¹ Беглецы шли по берегу р. Карповки; потом мимо станции Грачи, Донскою степью до хутора Прутки; тут, войдя в пределы Царицынского уезда, направились на села Лазное и Ивановку, а около д. Стефанидовки опять вдаль в степь. Я проехал лично весь этот путь, по которому шли беглецы; везде собирал о них сведения и показания и везде слышал одно: что они шли мирно, соблюдая примерную тишину и порядок. (Примечание подлинника.)

Во время поездки моей в Новочеркасск для свидания с князем Дондуковым-Корсаковым прибыла в Царицын партия в 205 человек из Новочеркаска, для препровождения коей находился войсковой старшина Полушкин, который по изменении контрактов этой партии отправился обратно, пробыв в Царицыне всего два дня.

18 числа сего месяца, объезжая в последний раз участки, я роздал рабочим копии с подписки, вытребованной мною у сына подрядчика Гладина, передав таковые же и чиновнику особых поручений саратовского гражданского губернатора для надлежащего распоряжения и наблюдения за точным выполнением вновь постановленных условий.

Подпискою этою обеспечивалось на будущее время справедливое распределение работ, хорошее содержание рабочих и кроткое с ними обращение.

В заключение я не смею умолчать, что лазареты, устроенные для пользования больных, находятся в совершенной исправности и что относящееся до врачебного пособия рабочим заслуживает полное одобрение.

Изложив с полною откровенностью все мною найденное и виденное, осмеливаюсь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что, в исполнении возложенного на меня высочайшим доверием поручения, я старался сохранить беспристрастие и справедливость ко всему делу вообще, но не смею скрыть, что положение бедных тружеников, приведенных издалека, было главным предметом моего попечения».

Государь император по прочтении такового донесения флигель-адъютанта Рылеева соизволил положить собственноручно следующую высочайшую резолюцию:

«Сообщить г.-а. князю Долгорукову и внести в Ком. мин., где сообразить, какие можно принять меры, чтобы впредь подобные беспорядки не повторялись¹.

¹ Комитет министров 9 августа 1860 г. постановил: министру внутренних дел, совместно с шефом жандармов и товарищами главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий министра юстиции и министра государственных имуществ, составить проект мероприятий по предотвращению волнений «подобных тем, кои происходили при работах на Волжско-Донской железной дороге» (то же дело, л. 136—140), в результате чего был разработан проект «Правил о найме рабочих для казенных, общественных или государственных работ», рассмотренный в Комитете министров и утвержденный Александром II 31 марта 1861 г. в качестве временных правил сроком на 3 года (ЦГИАЛ, ф. 1263, К-т мин., засед. 4 апр. 1861 г.). Материалы по выработке «Временных правил» см. в деле «Об установлении общих правил и предупреждению беспорядков на работах и о найме рабочих людей» (ЦГИАЛ, ф. 1285, ДПИС., оп. 21, д. 784).

Комитетом министров 9 августа 1860 г. министру внутренних дел было предписано немедленно произвести расследование волнений на строительстве Волжско-Донской ж. д., результатом чего явилось публикуемое донесение чиновника особых поручений Ю. К. Арсеньева. (См. документ № 272.)

Ф.-а. Рылееву объявить благов. в приказе».

На основании такового высочайшего повеления представляя в Комитет г.г. министров содержание всеподданнейшего рапорта флигель-адъютанта капитана Рылеева, имею честь присовокупить, что я сообщил генерал-адъютанту князю Долгорукову копию с упомянутого рапорта, а также сделал распоряжение о внесении в приказ высочайшего благоволения флигель-адъютанту Рылееву.

Военный министр генерал-адъютант *Сухозанет*.

ЦГИАЛ, ф. 1263, К-т мин., засед. 9 авг.
1860 г., прил., л. 198—213.

№ 272

1860 г., ОКТЯБРЯ 15.

**ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЧИНОВНИКА ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
Ю. К. АРСЕНЬЕВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С. С. ЛАНСКОМУ
ОБ ИСТЯЖАНИЯХ РАБОЧИХ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ВОЛЖСКО-ДОНСКОЙ Ж. Д. И МАССОВЫХ ПОБЕГАХ
ИХ С МЕСТА РАБОТЫ**

Предписанием от 20 августа сего года за № 3470 вашему высокопревосходительству угодно было возложить на меня производство следствия о грустных побегов рабочих с Волго-Донской железной дороги и о действиях некоторых царицынских должностных лиц при наказании и преследовании рабочих.

Окончив ныне порученное мне следствие, долгом считаю подробно изложить вашему высокопревосходительству все обстоятельства и ход помянутого дела.

Линия Волго-Донской железной дороги идет на протяжении 72 верст от г. Царицына до хутора Калач. Первые от города Царицына 25 верст заключаются в пределах Саратовской губернии, остальные 47 — в Земле войска Донского. Дорога пролегает по местности нездоровой, пустынной, лишенной хорошей воды и всякой растительности. Она строится частною компаниею на акциях, но пользуется правами, присвоенными государственным работам. Устав оной высочайше утвержден в 1858 году, а в 1859 г. начато сооружение. Подряд на все земляные работы как по устройству полотна, так и по сооружению двух пристаней, в Царицыне — на Волге и в хуторе Калач — на Дону, принял на себя почетный гражданин Григорий Гладин. Занятый сам многими казенными сооружениями, Гладин дал полную доверенность на наем рабочих для Волго-Донской дороги и на производство там работ родственнику своему, вольноотпущенному крестьянину г-жи Муравьевой, Ивану

непременный заседатель и главный гладинский конторщик Козловский, отправлявшийся тоже в погоню, но, по его словам, единственно для расплаты с нанятыми конторою возчиками. Исправник дал приказание инвалидному начальнику и непременному заседателю ехать с командою по Воронежскому тракту по направлению к р. Иловле, а сам, взяв с собою Головкина, отправился к той же реке, но по другому, Дубовскому тракту. Гладин, видя отъезд Головкина и находя его крайне неуместным, по глубокой к нему ненависти людей, коих он совместно с полицией собирался преследовать, уговаривал его остаться, но Головкин, как бы преднамеренно стараясь всеми зависящими от него средствами усиливать волнение рабочих, не послушался. Во втором часу пополудни поезд двинулся. Все ехали с самыми воинственными намерениями и с твердою решимостью возвратить бежавших силою на работы. Солдаты с инвалидным начальником и непременным заседателем, проехав 35 верст от Царицына, в шестом часу вечера остановились для отдыха на станции Грачи. Тут конторщик Козловский угощал на гладинские деньги, но с ведома инвалидного капитана, солдат водкою; выпито было ведро. В 8 часов отправились далее, Донскою степью, и 27 мая часов около 5 утра прибыли к р. Иловле, на небольшой казачий хутор Прутки. Сделали опять привал, и тут вторично тот же конторщик угощал солдат водкою. Во время этого привала получено было известие, что беглецы отдыхают в балке в степи, между селами Лазным и Малою Ивановкою. Немедля ударили сбор, усадили солдат на телеги и быстро поехали к селу Лазному. В этом селе встретил команду исправник и приказал ей идти навстречу беглецам, а сам с Головкиным отправился в села Ивановку и Давыдовку для сбора понятых с тем, чтобы с ними ударить на беглецов в тыл. Был 11-й час утра, когда чиновники и команда выехали из села Лазного. Вскоре вдали показалась толпа рабочих, подвигавшихся медленно, но спокойно. Непременный заседатель и инвалидный начальник приказали солдатам сойти с телег и, построясь в боевой порядок, идти навстречу рабочим. На расстоянии не более ста шагов рабочие, увидев, что солдаты идут прямо на них, стали кричать: «Не подходите! Не троньте нас! Мы не остановимся и ни за что не вернемся!» Вместо ответа солдатам велено идти вперед и принять беглецов на штыки. Сомкнутый ряд штыков и грозящая смерть побудили рабочих стремительно броситься на солдат; чтобы проложить себе дорогу, они стали бить по штыкам палками и ломami, взятыми с дороги при побеге. Солдаты струсили и без оглядки бросились в рассыпную, стараясь только скорее добраться до телег, отъехавших в сторону. Рабочие между тем без шума и крика пошли далее, не обращая никакого внимания

на оставшихся сзади солдат. При этой встрече двое рабочих ранены штыками: один в щеку, другой в руку.

Инвалидный начальник и неперемный заседатель потерялись; их воинственный пыл прошел, и они некоторое время оставались в совершенном недоумении, что делать, но, подумав немного, велели зарядить ружья и ехать вслед за отошедшими уже с версту от них рабочими. Расстояние стало быстро сокращаться между преследователями и преследуемыми, когда впереди показался исправник с Головкиным и с ними человек 100 понятых верхами. Видя в числе преследователей ненавистного им Головкина, рабочие пришли в неопишную ярость, они сперва остановились и собрались в кучу, потом, взяв вправо, хотели пройти мимо, но в это время солдаты слезли с телег, выстроились в две линии и загородили им дорогу штыками. Тогда рабочие с криком: «Перебейте нас всех, мы не сдадимся!», снова бросились на солдат с палками, камнями и ломами. Солдаты, вместо стойкого отпора, стремительно побежали и с бегу начали стрелять в толпу. Двое из рабочих упали: один, смертельно раненный в грудь, другой с оторванным на ноге пальцем. Остальные, видя, что их бьют не на шутку, с ожесточением пустились за бегущими солдатами, но, видя, что те стрелять перестали и, уже не думая о нападении, прячутся за телеги, остановились и вернулись к лежавшим на земле товарищам. С грустью простились они с ними и быстро пошли вперед. При самом начале стрельбы понятые, не желая участвовать в убийстве своих братьев — мужиков, в ужасе отъехали в сторону.

Исправник подъезжал еще один к толпе ухидивших, уговаривая их вернуться на работы. Его встретили сперва бранью и камнями, но потом трое из рабочих, отделившись от толпы, подошли к нему и спокойно, но решительно объявили, что они в Царицын ни за что не вернутся: «Да судит нас начальство на нашей родине; мы виноваты, но не останемся здесь, где нас бьют и убивают без суда».

После этого исправник, совершенно растерявшийся, отдал приказание о прекращении преследования. Он распорядился, чтобы пристав 1-го стана Царицынского уезда с несколькими понятыми проводил бегущих до границы уезда, а сам отправился в село Давыдовку, куда повезли раненых. Военская команда с неперемным заседателем и приказчиками Головкиным и Козловским, переночевав в селе Лазном, возвратились 28 мая в г. Царицын.

На обратном пути водкою солдат уже не угощали...

По прибытии в город инвалидный начальник немедленно отправил пятерых солдат в городскую больницу. Из собранных официально сведений видно, что эти солдаты были только легко ушиблены и все в спину. Они пробыли в больнице менее суток.

Головкину. Головкин, человек молодой, неопытный и самой скверной нравственности, получив в свои руки столь значительное дело, с первого шагу выказал и совершенную неспособность и крайнюю недобросовестность. Он заподрядил зимою прошлого года около 2 000 землепосевов в губерниях Вологодской, Тверской и Смоленской и вместе с ними в исходе апреля отправился на баржах пароходного общества «Кавказ и Меркурий» из Нижнего Новгорода вниз по Волге. С этого времени начинаются бедствия рабочего народа Волго-Донской железной дороги. Рабочие были размещены на двух баржах — тесно и неудобно. На дорогу не было взято в достаточном количестве провианта. Уже около г. Козьмодемьянска не хватило хлеба. Стали закупать его по дороге, поскольку где найти было можно. Часто хлеб был дурного качества или черствый, всегда в количестве недостаточном. Так плыли рабочие до Самары. В этом городе Головкин нашел на пристани 100 пудов печеного хлеба и с этим запасом хотел плыть далее. Полуголодные рабочие, видя это, не допустили сняться с якоря; произошли беспорядки, и только своевременное вмешательство начальника Самарской губернии остановило шумные порывы рабочих. Кое-как, при постоянных угрозах Головкина, голодная толпа довершила путь свой до Царицына. Здесь 28 апреля 1859 г. была она высажена на берег и пущена в голую, бесплодную степь. На линии будущих работ не было заготовлено ни провизии, ни помещений, ни кухонь, ни лазаретов. Головкин стал бросаться во все стороны, но скудный царицынский рынок не мог удовлетворить спроса. Люди голодали, питаясь чем бог послал. Так прошел весь май. В этот промежуток времени Головкин успел кое-как заготовить необходимые для продовольствия 2 тысяч рабочих припасы, как то: муку, крупу и масло, но все было дурного качества; кислой же капусты и свежей говядины вовсе не было; была только тухлая солонина, которою кормили рабочих и за обедом и за ужином. Развелась цынга и лихорадка. В начале июня было уже до 200 больных, остававшихся без всякого медицинского пособия. Наступили жары нестерпимые; в голой степи жар доходил до 50°. Положение рабочих становилось невыносимо тягостным; они не имели даже сарая, где бы могли укрыться от зноя. На всем протяжении работ садов почти нет; обедали под открытым небом; а для ночлега были выкопаны ямы, покрытые сверху досками в виде треугольника. В каждой таковой яме, зловонной и душной, размещали до 30 человек. Болезни усиливались; пища и содержание не улучшались; в конце июня появилась холера и жестокий тиф. Ежедневно умирало до 20 человек, а на всем протяжении работ был только один врач и один фельдшер; медикаментов почти никаких. Лазареты устраивались в шалашах, сколоченных наскоро и рас-

положенных в самой нездоровой местности всей линии, по берегу р. Карповки, где вода всегда затхлая, гнилая. Шалаши эти были тесны, низки, переполнены насекомыми всех возможных родов и видов; воздух в них невыносимо спертый. Не было ни соломы, ни рогож или войлоков, чтобы смягчать для больного ложе; они лежали или на голых досках или на своих шубах. Эти шубы переходили после умершего на плечи родственника и тем еще более развивали заразу. Люди, видя полное к себе невнимание, недостатки, болезни и смерть, пришли в совершенное отчаяние. Начались ропот, неудовольствия и побег. Головкин, однако, не изменился. Он оставался вполне равнодушным к лишениям и страданиям ему порученных людей. Он видел только неуспешный ход работ и для устранения этого неудобства стал нанимать казаков и расставлять их на всех пунктах работ. Пошла в ход нагайка; люди еще более озлобились.

Напрасны были протесты и представления управлявшего в прошлом году работами инженер-подполковника Позенковского, напрасны его требования о смене Головкина; подрядчик оставался глух и нем на требования ответственного за успех работ лица.

К счастью, в половине июля месяца приехал в Царицын председатель правления общества Волго-Донской дороги, г.-л. Мельников, человек, любимый землекопами и хорошо им знакомый по работам на Николаевской железной дороге. Энергические меры генерала Мельникова восстановили отчасти порядок. Устроились кое-как лазареты, людей стали лучше кормить и более заботиться о их нуждах. Но на беду вслед за г. Мельниковым, прибыл в Царицын почетный директор правления Волго-Донской дороги, владелец $\frac{1}{3}$ акций сего общества и царицынский откупщик Кокорев.

По праву главного акционера Кокорев счел себя обязанным вмешаться в дело: стал разъезжать по работам и высказывать свое мнимое сочувствие к серому русскому человеку (как называет Кокорев рабочих). Своими хитросплетенными, но понятными мужику, речами Кокорев принялся еще более восстанавливать рабочих против Гладина, доказывая, как бесчеловечно поступает подрядчик, заставляя их так много работать в невыносимый жар, в таком нездоровом климате. При этом как бы из сострадания к бедным труженикам Кокорев щедро раздавал рабочим деньги на водку. Мало того, он уговорил Царицынскую контору общества, все под видом улучшения быта рабочих, ежедневно выдавать им на счет общества винную порцию. Эта порция, увеличив на огромную цифру доход откупа, развила в рабочих страсть к вину и пьянству. Лжефилантропические идеи откупщика-литератора о вреде работать на солнце

Раненый в грудь рабочий на другой же день умер, другой — раненый в ногу, был посажен 2 июня в острог¹. Остальные 138 человек благополучно дошли до Воронежской губернии. Из них по распоряжению начальника губернии 49, не согласившихся возвратить полученные задатки, были высланы в Царицын, где и теперь находятся.

Замечательно, что эти люди, за которыми гнались с таким ожесточением и с которыми так дурно, так жестоко обращались на работах, во время следования на родину не произвели нигде ни шума, ни грабежа и что мучимые голодом и жаждою они питались одним подаванием, но никого не обидели и даже старались обходить крестьянские и помещичьи посевы, дабы не измять их. Один из царицынских помещиков, г. Мельников, в имени коего беглецы останавливались, в письме своем ко мне подробно описал, в каком настроении духа находились рабочие на другой день побойща. Копия с сего письма при сем прилагается².

¹ Он содержался в остроге до 19 июля, когда по приказанию флигель-адъютанта Рылеева был освобожден. (Примечание подлинника.)

² Вот это письмо:

«Самым чистосердечным желанием исполняю просьбу вашего превосходительства, рассказав в возможных для моей памяти подробностях происшествие, которое, конечно, огорчило государя императора и людей, любящих и ограждающих его спокойствие.

Не припомню которого именно числа, но знаю, что вскоре после дня св. троицы толпа людей расположилась вблизи моего дома. Такое небывалое явление в нашем околотке не могло не породить самого обыкновенного желанья дознать, что это за толпа. Проводив одного из моих знакомых, бывших у меня в это время, я подъехал к толпе с вопросом: «Что вы за люди?» Вслед за вопросом вблизи стоявшие сняли шапки, поднялись с места, а некоторые подошли и окружили мой экипаж. «Бежавшие с дороги», — отвечал кто-то из толпы. Самый притязательный и подозрительный человек не мог придаться ни к выражению лиц, ни даже к словам, сказанным, как говорится, от чистого сердца. Такое чистосердечие невольно вызвало во мне заключение: «Нехорошо вы сделали, ребята!» — «Да что же делать», — отвечал один из них, — нам было невмоготу». — «Что же вас заставило бежать?» — «Неправда!» — «Какого рода неправда?» — «Дурное содержание, изнурительная работа и неисполнение различных условий рядником». — «Все-таки не следовало бежать толпою, вас могут судить как ослушников и бунтовщиков». — «Что же было делать?» — «Вы должны были жаловаться». — «На нашу жалобу не смотрят и некоторых уже высекли». — «Вам следовало обратиться к г. предводителю дворянства, избрав для сего двух или трех доверенных лиц, если бы он отказал — вы могли обратиться к губернатору, наконец, министру, даже государю, — и тогда наверно разобрали бы дело и удовлетворили бы вас, если вы правы, а теперь вас почтут за ослушников, бунтовщиков и так донесут государю». — «Это правда», — отвечал рассказчик с глазами полными слез, — нас считают и поступают с нами, как с бунтовщиками; по нас уже стреляли, убив одного и изранив многих», — причем указал на одного, у которого на щеке был шрам, запекшийся кровью. — «Но что же нам делать?» — «Обратиться назад и поступить по моему совету, сказанному из

Между тем оставшиеся на дороге рабочие продолжали волноваться; можно было ежечасно ожидать нового, еще сильнее-шего взрыва негодования, побегии совершались ежедневно. Последняя значительная партия (48 человек) ушла 19 июня. В этот самый день прибыл внезапно из С.-Петербурга флигель-адъютант Рылеев.

Покуда таковые события совершались в Царицыне и его уезде, губернское начальство находилось в совершенном неведении. Первое известие о беспорядках и побегах на Волго-Донской дороге получил начальник губернии не с места события, а от вашего высокопревосходительства телеграфическою депешою от 28 мая. До того ни исправник, ни городничий ничего не доносили губернатору. Только 26 мая, отправляясь с военною командою в погоню за бежавшими, царицынский исправник уведомил тайного советника Игнатьева о случившемся, и вслед за тем он сообщил ему о несчастном исходе предпринятого преследования. Само собою разумеется, что исправник взвалил всю ответственность на рабочих, представив их уход с работ, как бунт и восстание.

Губернатор, получив депешу вашего высокопревосходительства, командировал в Царицын жандармского штаб-офицера и своего чиновника особых поручений для производства строгого

желания вам доброго». — «Ваше благородие, этого невозможно; нас опять пересекут и поступят, как с бунтовщиками, а мы не бунтуем, идем вдаль от селений покойно, без шума, несмотря на голод, — и вот свидетели этому — понятия». «Мы, — продолжал он, — вот уже другие сутки как ничего не ели».

И в самом деле, было ли изнурение вследствие происшествий, или лишения, или усталости, — но оно было видимо и явно. Может быть, эта толпа и была раздражена, но могу уверить ваше превосходительство честию, что окружавшие меня далеко не походили ни на слушников, ни на бунтовщиков. Это была толпа скорее скорбных, готовых сложить головы не вследствие раздражения и озлобления, а вследствие безвыходного положения, в которое поставлены, может быть, против всякого чаяния. «А что будет, то будет, — заключил, наконец, рассказчик, — а мы не вернемся, хотя бы перестреляли нас!» Повторяю, ваше превосходительство, это было не упорство и дерзость, это было болезненное напряжение, требовавшее мягкого и благотворного врачевания. Я смело это говорю потому, что видел глубокую скорбь в рассказчике и то же явление во всей толпе. Вот почему я приказал дать несколько хлебов, успокоил как мог и посоветовал записывать понятах, провожавших из селения в селение. К сожалению, хлебов было весьма мало на толпу, и если они показали, что я накормил, то это просто-напросто лепта несчастным, вовлеченным в преступление против чаяния и желания. Несколько дней спустя я узнал подробности, которые не считал нужным разузнать от кого бы то ни было уже по тому, что результат разнородного понимания правды и истины — то же горе, та же скорбь.

С чувством глубокого уважения имею честь быть вашего превосходительства Ф. Мельников» (ЦГИАЛ, ф. 1263, К-т мин., засед. 28 дек. 1860 г. ст. 1111, прил., л. 592—593).

укоренили в рабочих убеждение, что под защитою Кокорева можно и не исполнять задаваемых уроков. Убеждение это еще усилилось, когда при отъезде Кокорев нежно приглашал к себе в Москву в гости всех рабочих дороги, обещая им защиту и покровительство. Едва утихнувшие неудовольствия снова возникли, а от пьянства болезни приняли еще более серьезный характер. Рабочие под влиянием винной порции видели в Кокореве своего благодетеля, а в Гладине врага и злодея. Последнее доверие к подрядчику исчезло совершенно. Дошло до того, что рабочие не хотели принимать расчета от Головкина и требовали прибытия в Царицын Гладина. В сентябре действительно приехал сам подрядчик, но дело уже было так испорчено, болезни так развиты, что оказалось необходимым прекратить работы ранее предположенного срока¹.

Вместо 1 ноября рабочие были распущены по домам 1 октября. С проклятием оставляли рабочие Волго-Донскую дорогу, давая себе слово никогда и ни за какие деньги не идти под начало Головкина. На работах прошлого года умерло около 500 человек, а оставшиеся в живых уходили из Царицына больные, изнуренные.

Так кончился первый год работ на Волго-Донской дороге! Весь этот год, несмотря на развитие эпидемических болезней, несмотря на волнения и неудовольствия рабочих, на частые их побегі, саратовское губернское начальство оставалось в совершенном бездействии. Никаких мер не было принято к обузданию незаконных действий Головкина и к раскрытию причин побегов (бежало более 300 человек). Начальник губернии не показывался в Царицын уже третий год, и только в июне по просьбе генерала Мельникова тайный советник Игнатьев командировал в Царицын [одного] из чиновников своей канцелярии для наблюдения за рабочими. Но этот чиновник, получая по 75 руб. жалования от конторы дороги, весьма мало, повидимому, заботился о происходившем на линии работ, а жил спокойно, без всякой пользы, в городе. Министерству не было даже донесено о происходивших на дороге неурядицах.

Наступил 1860 год. Надо было подумать о новых наймах. Наделяться найти рабочих в наших северных губерниях, изобилующих искусными землекопами, было невозможно; воротившиеся на родину в прошлом году рабочие успели уже уяс-

¹ Носятся слухи, что Кокорев, делая все, чтобы уронить цену акций Волго-Донской дороги, сам скупает по дешевой цене падающие акции. Ему хочется завладеть всем делом, отгнать Гладина и поручить кому-то из своих клеветов все земляные работы. Цель Кокорева достигается — цена акций падает с неимоверною быстротою; доверие к предприятию исчезло вовсе. (*Примечание подлинника.*)

нить крестьянам окрестных сел и деревень, что такое Волго-Донская дорога. Надо было попробовать действовать в местах новых, среди людей, вовсе не знакомых с трудностями земляных работ и с проделками подрядчика. Гладин так и сделал. Он послал трех наемщиков Малахова, Ульского и Буторина в губернии Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую. Наем состоялся, и 2½ тыс. новых жертв отправились в минувшем феврале из помянутых губерний в Царицын. Задержанные метелями, они прибыли на место только в половине марта.

Во главе работ остался тот же Головкин. Его распоряжения также не изменились¹. Земляные бараки были те же; о закупе лучшей провизии Головкин и не подумал. Пропьянствовав всю зиму в Царицыне, он с невозмутимым хладнокровием встречал прибывавших крестьян. Не заготовив им ни лучших жилищ, ни лучшей пищи, он приготовил им ту же нагайку с прибавлением розги царицынской городской полиции. На досуге зимой Головкин решил, что лучшее средство для предупреждения прошлогодних неурядиц, лучшая мера заставить мужика работать хорошо и много — строгость, грубость и кулачное право. В этом духе настроил Головкин своих главных помощников — приказчиков и десятских, которые с первых же дней начала работ стали в точности исполнять волю своего патрона.

Рабочие были распределены на 10 пунктах: 4 пункта были в Царицынском уезде, 6 — в Земле войска Донского; исправлявший должность атамана донцов князь Дондуков-Корсаков, прослышав, вероятно, о подвигах Головкина в прошлом году, назначил в Калач особого пристава и 50 казаков, предписав им строго смотреть за спокойствием на линии работ, но отнюдь не прибегать к мерам понудительным, а тем менее жестоким. В Царицынском же уезде, напротив, все осталось на прежнем основании. Казаки снова были наняты Головкиным, а городничий, капитан 2-го ранга Трескин, личный приятель Головкина, обещал полное свое содействие для содержания рабочих в безусловном повиновении, для чего он просил присылать к нему в город всех рабочих, которые в чем бы то ни было провинятся пред Головкиным и его приказчиками².

¹ Изменились только лазареты. Больничную часть приняло на себя само общество, и она идет действительно отлично; ныне на линии два искусные врача, 14 фельдшеров и всевозможные медикаменты. Лазареты, выстроенные в г. Царицыне и хуторе Калач, просторны; белья заготовлено много, уход за больными самый рачительный. (*Примечание подлинника.*)

² Такая разница во взглядах резко выказалась при побегах. С 9 апреля по 16 сентября бежало из г. Царицына и его уезда 901 человек; с участков работ в Земле Донского войска, в тот же период — только 135. (*Примечание подлинника.*)

исследования о причинах побегов¹, а вслед за ними и сам отправился в Царицын. Прибыв туда 3 июня, губернатор пробыл

¹ Имеются следующие сведения о числе рабочих, бежавших со строительства Волжско-Донской ж. д. от подрядчика Гладина с 9 апреля по 29 сентября 1860 г.:

Числа месяца	Месяц	Из Цари- цына и его уезда	Земли Бойска Донского				
			27-я верста	40-я верста	59-я верста	Из Калача	Итого
<i>В апреле</i>							
9		1					
11		14				3	3
14		13					
18		2					
19		1					
20		25				1	1
23		14					
24		8					
27		7	7				
30		4					7
Итого . . .		89	7			4	11
<i>В мае</i>							
3		1					
7		2					
9		66				8	8
10		15					
11		18	1				1
12		13	2			14	16
14		17					
15		4				3	3
16		49		11			11
17		6					
19		75					
20		2					
22		5					
23		214					
25		140	2				2
28		52		7			7
29		35		7			7
30		15		1			1
Итого . . .		729	5	26	—	25	56
<i>В июне</i>							
1		1					
3		2					
5							
6			8			5	5
12		1				1	1
14		1			6	5	6
19		54					
27		1					
30		1					
Итого . . .		61	8	6	—	11	25

в городе два дня; съездил один раз на пункты работ, находящиеся в пределах Саратовской губернии, обревизовал уездные присутственные места и затем отправился обратно в Саратов, не узнав ни истинной причины волнений, ни о незаконных действиях городничего при наказании рабочих; он даже не вникнул в дело о стрельбе по рабочим. Все эти события были для

Числа месяца	Месяц	Из Царицына и его уезда	Земли Гейска Донского				
			27-я верста	40-я верста	59 я верста	Из Кв. дача	Итого
<i>В июле</i>							
1		1		7			7
5		2					
6				2			2
7		4					
12				2			2
18		1					
20		1					
23		4					
24		1					
27		4					
30		1		7	2	1	10
31		1					
Итого . . .		20	—	18	2	1	21
<i>В августе</i>							
12				1			1
15				15			15
17		1				6	6
19							
Итого . . .		1		16	—	6	22
А всего в побегах:		901	20	66	2	47	135
					1036 *		

Из того числа возвращено:

Из Новочеркасска	204
Побегов с дороги	75
Мест жительства	78
	<hr/>
	357 чел.

Затем состоит в действительных побегах 679

Действительный статский советник — *Арсеньев*.

ЦГИАЛ, ф. 1263, К-т мин., засед. 23 дек. 1860 г.,
ст. 1111, прил., л. 590—591.

* Общее количество побегов со строительства. В подлиннике подсчет неверен, следует: 1046.